

Джаз brutalной нежности

Вадим ЭЙЛЕНКРИГ: «По счастью, за музыкой стоит магия, которую просчитать невозможно»

24 октября 2013 в 19:50, просмотров: 3125

...Проблема современного джаза — в его наполненности, когда за газированной формой часто не видишь содержания; к тому ж джазмен, в отличие от классического оркестранта, не может не быть личностью. За одной техникой тут не скроешься. Чем, например, берет изумительный трубач Вадим Эйленкриг, с которым мы беседуем в аэропорту Кельна? Вот он только на сцену вышел, еще как бы ничего и не делает — но сразу попер джаз, который есть состояние души, а не только виртуозное соло. Джаз в походке, в переглядках с партнером (Вадим часто играет и с Бутманом, и с Антоном Барониным), джаз в умении не перетягивать одеяло на себя. Джаз в самом желании жить и за эту жизнь бороться. Ну а труба у Вадима — как дрессированная тигрица: милая-милая, а потом как порвет до кровящи... короче, сам дает ей свободу, сам же ее укрощает, класс!

фото: Ян Смирницкий

Эйленкриг нетипичен во всем. Высокий, накачанный, на бицепсах — татуировки с юными прелестницами. «Уводит» за собой публику в два счета (его дуэт с Барониным был настоящим подарком русской диаспоре на только что прошедшем фестивале «Виват Россия!» в Дюссельдорфе); причем очень тонко дозирует степень куража, играет на полтонах, хотя в разговоре сто раз подчеркнет, что он «brutальный и грубый».

«Не знал, что завтра кушать, вот и бросил музыку»

— Вчера дюссельдорфские зрители увлеченно обсуждали вашу фамилию, разложив ее на eulen и krieg, то есть на «войну сов».

— По-немецки, может, и так, но поскольку фамилия еврейская — непонятно, кто же там воевал... Воинственные нотки остро ощущаю в моменты несправедливости. А так — человек пацифичный, неконфликтный и мягкий.

Иногда кажется, что не занимайся я железом 25 лет — был бы просто размазней. Но железо (поднятие тяжестей), хочешь не хочешь, делает тебя чуть агрессивнее.

— Но как в детстве совмещали спорт и инструмент?

— В детстве и намек на спорт не было. Я ж был подающим надежды пианистом! И больше всего родители боялись, что у меня что-то случится с пальцами. Но так устроена жизнь, что если тебе чего-то в детстве не хватает, потом добиралось это с каким-то сумасшедшим фанатизмом...

— А татуировки? Это тоже внутренний протест?

— Настоящие татуировки появились в России лишь несколько лет назад. В большинстве же случаев смотрю на людей и думаю: «не дай бог это было б на мне». Я ж очень осторожный, столько слышал про заболевания, которые могут переноситься иглой. Поэтому первую татуировку сделал в том возрасте, когда все нормальные люди их уже сводят, — в 40 лет. Зато это сознательный выбор, ведь сводить татуировку в 50 — просто смешно...

— Так почему не стали гениальным пианистом?

— Играл-то я ловко, но, видимо, родители меня слишком сильно заставляли с 4–5 лет, желая войти в историю, вот и «передавили»: «Я из тебя сделаю Эйленкрига!» — обещал папа, уверяя, что родители Паганини и Ойстраха били своих детей, потому из них и получились Ойстрах и Паганини. При этом папа сам — саксофонист, был директором многих коллективов в Москонцерте — директором у Кобзона, у Гурченко, у Тамары Миансаровой... так что амбиция налицо.

— И в один день пианизм стал противен?

— Так и вышло. А сейчас жалею. Гляжу, как играют ребята на рояле, понимаю, что в плане техники я ничуть не хуже, но... поезд ушел. Всё. К тому же каждому инструменту присущ свой характер. И пианисты — это люди, безусловно, очень тонкой духовной организации. Интеллектуалы, всезнайки, рафинированные... Трубачи — другое: они попроще, пожестче, с ярко выраженными способностями к лидерству. Так что я, наверное, просто по природе своей не смог бы стать пианистом — я brutalнее... хотя слово это ненавижу.

— А в какой момент случился переход на трубу?

— Не помню, лет в 12... опять же, папа хотел, чтоб я взял в качестве второго инструмента саксофон. Я попробовал. Сакс показался мне в то время технологически странным, со сложной аппликатурой. Поэтому обратился к инструменту «попроще», и... труба стала моей судьбой. Но наступили 90-е. Я не знал, что завтра буду есть. Бросил музыку. Занялся бизнесом из серии «купи-продай»: ездил, как все, в Турцию за какой-то фигней для последующей перепродажи.

— Странно, что в бизнесе не остались...

— Это очень забавная история. Ехал с другом в машине, и вдруг по радио заиграл какой-то известный саксофонист уровня Стена Гетца — человека, который может взять в руки инструмент и объясниться в любви единственной женщине (рецепт игры моего папы, кстати). То есть нельзя сводить музыку только к технологии: за ней должно стоять что-то большее, какие-то правильные энергии. Вот их я и услышал тогда по радио... Враз понял, что оставаться в бизнесе не могу: никогда себе не прощу, что люди ТАК владеют инструментом, а я...

— Ну и как родители отнеслись к вашему возвращению в музыку?

— Матушка поначалу была против: тогда, в 90-е, музыканты вообще ничего не зарабатывали... Я стал убеждать: «Мама, мне ничего не надо, только корми, я на какое-то время сажусь на твою шею — надо заново «научиться ходить»... на трубе». «Да лучше б ты получил нормальное образование... юридическое», — отвечает. «Нет, мам, я наконец понял, что я — музыкант». И начался адский труд: занимался по 6 часов чистого времени в день. Это физически невозможно. Благо у меня был потрясающий педагог Евгений Савин. Я у него сразу спросил: «Мне, верно, поздно начинать?». «Тот, кто считает, что ему что-то поздно, — хоть в 70 лет водить самолет, — малодушен. Надо взять и сделать».

фото: Ян Смирницкий

— Джаз ближе к жизни, чем классика?

— Конечно. Хотя еще во времена Листа пианисты были прекрасными импровизаторами.

— По сути, джазменами?

— Ну да. А сейчас, увы, классика превратилась в латынь/греческий — в мертвое искусство. Нынешние музыканты лишены свободы.

— А классический авангард вам не близок?

— Я открыт всему новому, но до определенной степени. В какой-то момент человек становится консерватором — и это очень правильно. Потому что если ты вовремя не остановился, поняв, ЧТО для тебя лучше, а все продолжаешь «искать» — твое поведение вызывает много вопросов.

— Если вас посадить в оркестр — повеситесь?

— Не хочу обижать своих коллег, но тем, кому нужно спокойствие (когда за тебя всё решают), тот и идет в оркестр. И это очень почетно. Но я не люблю ходить строем. Хотя работал в бэнде Бутмана 11 лет — это огромная школа. И когда Игорь меня приглашает в свой коллектив на замены — хожу с удовольствием. Но постоянно работать не смог бы...

— Возвращаясь к технике: смотрите, какой нынче спорт устроили из фортепианных, скрипичных конкурсов!

— Уверен, что никакого иного посыла, кроме любви, в музыке быть не может. Это единственный движитель. Все остальные мотивации — от лукавого. Можно распиарить кого угодно. Но мы же понимаем, что одни останутся, а другие сойдут. Это касается и рок-музыки, и джаза, и классики. Остаются те, у кого за текстом, за нотами etc. стоит что-то очень большое.

— Кстати, что трубачу делать нельзя — какие есть табу?

— К сожалению, большая часть духовиков неправильно играет физиологически. Посмотрите, как у них при игре раздувается шея, краснеют лица! Если раздувается шея — значит, закрыто горло, если закрыто горло — это аналог того, что вот он играет, а я его душу руками изо всех сил. Дыхание — основа всего: боевых искусств, игре на духовых, основа жизни! Мы ж в XXI веке живем! Но нет, все опираются на глупые стереотипы, передающиеся трубачам из поколения в поколение о том, как там в 1904 году (когда не было толком никаких исследований!) такой-то сякой-то играл так-то и сяк-то. Вот и продолжают играть на натуживании, вместо того чтоб пойти на прием к хорошему доктору-физиологу.

— Или в спортзал? У вас-то вон какие мускулы...

— Игра на трубе — тяжелейший физический труд, как у спортсмена-профессионала. Что это значит? Во-первых, режим: надо высыпаться. Во-вторых, я категорически против жесткого алкоголя в больших количествах. Боксер же не будет пить перед поединком! В-третьих, нужна серьезная диета. Надо понимать, что мы — как артисты балета: никаких нагрузок на тело! Вот в СССР была совершенно отвратительная установка: считалось, что до 25 лет трубач совершенствуется, идет вверх, в 30 у него пик, а дальше он играет все хуже и хуже, в 40–45 — уходит на пенсию. Это дикость, но происходила она от того, что люди неправильно дышали, питались, жили... уходили из профессии инвалидами.

— И курить нельзя?

— Я адепт абсолютно здорового образа жизни. Ну поймите: у трубы, в отличие от тех же тромбона, валторны, самое высокое сопротивление на входе. Это все равно что ты надуваешь камеру футбольного мяча. Не шарик! Не презерватив! Представляете, два часа мяч надувать? Какой бы ты ни был здоровый — это колоссальная нагрузка.

— Значит, надо ходить в зал качаться?

— Я-то хожу в зал, но фетиша в этом нет: хоть чем занимайся — бегай, играй в теннис... я хожу, потому что мне нравится эта эстетика.

— Ну... публике тоже нравится видеть артиста, который похож на человека...

— На человека я раньше был похож, а сейчас все больше напоминаю примата.

«Сейчас я все больше напоминаю примата»

— Ну хорошо, а почему, например, вы не стали классическим трубачом, как Сергей Накаряков?

— Классика для меня — это стремление к перфекционизму, стремление к идеальному исполнению, которое, к счастью, недостижимо. Ты все время как бы «на пути» к вершине. А джаз — это свобода мышления, изложения, свобода всего... и это для меня — основная ценность в жизни. А что до Накарякова... он был вундеркиндом.

— А вы не были?

— А я — нет, скажу честно. И, кстати, Накаряков сейчас сильно интересуется джазом. Или есть легендарный Уинтон Марсалис, который в 19 лет переиграл всю классику, а так как всю ее он сыграл идеально, то далее пошел в джаз... Пусть я не вундеркинд, но когда услышал, как в джазе излагаются темы, то вмиг заразился этим невероятным мелодизмом, тембром, нюансами. Новая стихия! Причем поначалу не мог «схватить» джазовый принцип свободы — музыканты что-то затягивали, делали мелизмы, играли лишнее, извлекали звук щипом... Позже понимание пришло. Ведь джаз — очень условное название, это и блюз, и панк, тут куча производных.

Вадим Эйленкриг (справа) играет на пару с Игорем Бутманом.

фото: Роман Ширияев

«Каждую секунду мы должны бороться за свою публику»

— Публика должна быть музыкально образованна? А то есть такая установка...

— Музыку, по большому счету, не всегда надо обязательно понимать. Ее достаточно чувствовать. Вообще же музыканты делятся на две категории: одни ведут музыку по прямой вдаль (новаторы), вторые — распространяют ее вширь (популяризаторы). Одни без других были бы никому не нужны. Каждый выбирает свой путь. Хотя история знает гениев, которым удавалось это совмещать. В джазе это Майлз Дэвис, Диззи Гиллеспи, Луи Армстронг...

— Так вот и истерят многие по поводу того, что нет, мол, «золотого века», нет 30–50-х гг.! Кризис.

— Нет кризиса жанра, нет кризиса новых направлений. И уж точно — нет кризиса публики. Есть кризис критики, которая неспособна воспринять все новое, она так и норовит разделять «джаз» и «не джаз». Хотя, извините, многое из того, что сегодня называется «золотым веком», было раньше всего лишь танцевальной музыкой. Нельзя подходить ко всему плоско. Кто-то считает джазом первые диксиленды, для кого-то образчик — Джон Колтрейн, а иные вообще наслаждаются современными производными от Майкла Брекера... А если не ходит на тебя зритель, задайся вопросом: в чем ты неправ? А не вали все на кризис публики, называя себя гением, а всех вокруг — ослиами.

— А как вы относитесь к приезжающему в Россию каждый год «Оркестру Гленна Миллера», играющему «нафталин»?

— Мыслить надо позитивно. Люди ходят? Ходят. Им нравится? Нравится. Есть вероятность, что после этого они заинтересуются глубже, — а что у нас еще есть джазового? Откроют для себя оркестр им. Олега Лундстрема, биг-бэнды Игоря Бутмана или Петра Востокова. А вот дальше все зависит от нас — покажем мы уровень или навсегда отобьем у неопитов любовь к джазу. Это аксиома: на каждом концерте мы боремся за свою публику. Игорь Бутман так и говорит: если у меня зритель не встал (от восторга), считаю вечер провальным. И это не пафос. Это битва за свой жанр.

— Нетолерантный вопрос: джаз может быть без афроамериканцев?

— Джаз — это общение. И общение очень интернациональное. Для джаза нет своих и чужих. Вы же не заставляете исключительно немцев играть симфоническую музыку, а итальянцев — только петь. Да и вообще нельзя замыкаться в своем жанре. Как можно любить джаз и не любить, скажем, Рахманинова? Развивать вкус — вещь основополагающая...

— Хорошо, а вам лично занятия трубой до сих пор требуются?

— Обязательно. Труба требует верности. Она очень ревнива. На любом другом инструменте ты можешь немножко расслабиться, недозаниматься, на трубе это невозможно. В отличие от рук и ног, мышцы лица — тоненькие. И тренированность — если позволить себе перерыв — уходит наглухо. Трубочник обречен на ежедневную игру.

— Вы говорите: «труба верности требует», «ошибок не прощает»...

— У меня несколько труб, спокойно играю на всех — есть главная «жена» и «наложницы». Если серьезно: я очень прагматичный человек. В мистику не верю. Заниматься перестанешь — ничего у тебя не получится. И не труба тебя, а сам себя накажешь. Все имеет свое объяснение.

— Кроме Господа Бога...

— Я скорее атеист, чем агностик. Верю в теорию эволюции. Верю в то — как это иронично ни звучит, — что труд создал из обезьяны человека. Надо трудиться. А есть ТАМ что-то или нет — скоро все узнаем.

— Смотрю, труба у вас абсолютно не блестящая...

— Она медная, просто лаком не покрыта. Инструмент новый, хотя вид несколько... м-м-м... отвинтаженный. Вы поймите, любое покрытие — лак, серебро, позолота — чуть-чуть меняет тембр звука. Напрямую мы этого не услышим, но при записи, допустим, лажа может проявиться — обертона срежет... Поэтому самый чистый голос — у меди, не покрытой ничем. Труба у меня именная — сделана вручную в Америке специально для меня.

— Русская публика была шокирована, что в качестве сурдины вы взяли сантехнический вантуз...

— Что ж делать, вантуз — самая замечательная сурдина. И это не шутка. Люди употребляют его с 20–30 годов XX века. Он должен быть мягкий, иметь правильный купол по размеру раструба...

— Кстати, этнические немцы не знали, что это такое. Видно, вышло из их культурного поля...

— Кошмар. Значит, такую хорошую сантехнику здесь делают. Кстати, на вантузе было написано made in Germany, то есть это даже не Китай. Оттого и звучал замечательно. Но вот вам, кстати, чуток мистики: в музыкальных магазинах продается специальная резиновая штука на трубу, но... звучит она хуже, чем настоящий сантехнический вантуз.

— Вы, вероятно, и в 60 лет хотите продолжать играть?

— Дай Бог дожить. Я надеюсь. Вон трубач Мейнард Фергюсон сыграл шикарный концерт в 70 лет. Моя цель — активно жить, заниматься спортом и просто играть до самого конца. Это мой выбор.

Ян Смирницкий

Опубликован в газете "Московский комсомолец" №26368 от 25 октября 2013

© ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец" Электронное периодическое издание «МК.гу»

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство Эл №ФС77-45245 Редакция - ЗАО "Редакция газеты "Московский Комсомолец". Адрес редакции: 123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1. Телефон: +7(495)609-44-44, +7(495)609-44-33 [Реклама третьих сторон](#)

Все права на материалы, опубликованные на сайте www.mk.ru, принадлежат редакции и охраняются в соответствии с законодательством РФ.

Использование материалов, опубликованных на сайте www.mk.ru допускается только с письменного разрешения правообладателя и с обязательной прямой гиперссылкой на страницу, с которой материал заимствован. Гиперссылка должна размещаться непосредственно в тексте, воспроизводящем оригинальный материал mk.ru, до или после цитируемого блока.